

Князь Всеволод и его земляки

КРУПНЫЙ ПЛАН

В «Северном крае» за 2 августа мы рассказывали, что в тутаявском левобережье, в старинном Романове в торжественной обстановке была заложена капсула на месте, где планируется возвести памятник непобедимому флотоводцу, нашему земляку, уроженцу Романово-Борисоглебского уезда Федору Ушакову. А пока отлитый в бронзе бюст адмирала (на нижнем снимке) могут лицезреть только рабочие колокольного завода Шуваловых да заглядывающие сюда любопытные романовцы. Отлитый мастерами Денисом Балакиревым и Анатолием Родинским стоит он прямо у цеха.

По их представлению, Ушаков романовский, воитель, причисленный к лику святых, это не корсар – гроза морей, каким его нередко изображают, а высоколобый, мудрейший царедворец своего времени, гениальный стратег, тонкий политик и дипломат. Весь его облик говорит не только о мужестве, но и о благородстве.

– Таким я представил себе нашего земляка, – рассказывает автор скульптуры Всеволод Алаев. – Мне показалось, что точнее всех угадал характеры людей того времени современник Ушакова, родоначальник русского реалистического скульптурного портрета Федот Иванович Шубин. Вот его работы я и взял за основу.

Мы беседовали во дворе под деревом, где рядом со скамеечкой, курилкой литейщиков, совсем по-домашнему, скромно пристроился бронзовый герой Калиакрийского сражения и взятия Корфу. Будто вернулся на побывку из дальних морей в свой уездный Романов покалякать на завалинке с земляками.

Российский военачальник XVIII века – лишь первый из земляков-героев, которым он открывает задуманную серию скульптурных портретов «Романово-Борисоглебский уезд – родина семи прославленных генералов».

– И кто же из них на очереди в литейный цех? – спрашиваю Всеволода Романовича.

– У меня уже готовы бюсты Валентины Терешковой и Федора Толбухина. Зайдем ко мне в мастерскую, покажу.

По дороге на улицу имени адмирала Ушакова, где живет Алаев с женой Машей и сыном Ярославом, выслушиваю историю о том, как бывший водитель пассажирских автобусов осмелился ваять великих исторических деятелей.

Отец его, Роман Олегович, – тоже талантливый мастер: плетет из лозы удивительные вещи. А Сева с шести лет начал лепить из пластилина игрушки, потом солдатиков, крепости, города. Валял и греческих, и римских воинов, разыгрывая сражения. Пластилин в доме был повсюду, но родители терпели. И все же свои художественные пристрастия Всеволод до поры до времени всерьез не воспринимал. После школы пошел в мединститут. Со второго курса призвали в армию. После службы женился и уехал в Новгород. Там стал водителем городских и междугородных автобусов, возил туристов и сам в свободное время бродил по Новгородскому кремлю, музеям древнего города, впитывал русскую старину. Лепка оставалась как хобби.

В 1986 году о Всеволоде Алаеве впервые сообщили по Всесоюз-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

ному радио. Он поделил третье место со студентом из Ленинграда в конкурсе по созданию памятника берестяной новгородской грамоте. Поскольку первое и второе места жюри не присудило никому, их работы оказались единственными проектами, достойными внимания.

Премия тогда Алаев получил. Но задумкам его в жизнь так и не удалось воплотиться. Грянула перестройка, и новгородским властям стало не до скульптур.

15 лет прожил Всеволод в Новгороде, но все время тосковал по Тутаяву, вернее, по тутаявскому левобережью, старинному Романову, родине своих предков. Сюда и переехал с женой и годовалым сыном десять лет назад. Поселились в доме бабушки – старинном купеческом особняке.

Алаев – коренной романовец, коренной не бывает. Местный краевед Капитон Конюшев и научные сотрудники музея в доме на Новинской доподлинно установили, что первый Алаев поселился в Романове за крепостными валами в 1450 году. Историки подтвердили, слышанные в детстве рассказы бабушки. Предок Всеволода, ногайский хан Алай, после смерти разделил свою дружину и табуны коней между тремя братьями. Одного из них более воинственные братья вытеснили из ногайских степей, и он нанялся на службу к Ивану Грозному. Царь отдал мурзе Алаеву под защиту и в кормление тогда еще очень маленький городок Романов, где семья ордынца и посе-

лилась сразу за крепостной стеной. Когда Алаевы приняли православную веру, их ввели в российское дворянство.

– Среди наших родственников, – говорит Всеволод, – князья Юсуповы. Только наша ветвь победнее. Юсуповы были царедворцами и при Петре, а Алаевы занялись ремеслами. И сейчас в Романове сохранились два наших дома. Они так и стоят за валами, на улице Ушакова у итальянского мостика по соседству с бабушкиным домом. У последних купцов Алаевых был кожевенный завод, который просуществовал до 1917 года.

(Окончание на 3-й стр.)

Князь Всеволод и его земляки

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Старинные родовые корни – еще одна из причин, по которой Всеволод увлекся историей и выявляем знатных земляков.

Вошли мы в его дом. Сначала он еще крепкий, но окна первого этажа вросли в землю по тротуару. Квартир в особняке три, все в двух уровнях. Внизу – кухня и гостиные, вверху – спальни. Алаев гостиную отвел под мастерскую.

Здесь мы и увидели гипсового двойника Федора Федоровича, а еще легкоузнаваемых Федора Толбухина и Валентину Терешкову.

– Когда Терешкова встречалась с интеллигенцией Тутаева, там был. Посмотрел на Валентину Владимировну, и в голову западала мысль, что портретов наших знатных земляков немало, но время идет, люди меняются, и будет интересно увидеть, как они выглядели в молодости, в

зрелые годы и в более поздние времена. У меня была видеозапись встречи, где наша землячка запечатлена в разных ракурсах. Мне захотелось сделать ее скульптурный портрет в более реалистичной манере, чем это делали в советское время. Я хотел показать своих героев попроще, поземнее. Вот и про Толбухина много воспоминаний прочитал, посмотрел его портреты. На правом берегу сейчас установили его бюст, привезенный из Болгарии. Он тоже как символ: этакий непобедимый герой с орлиным взором. А он на самом деле был круглолицым, простодушным, домашним, хотя и облеченным большой властью человеком.

В мастерской Алаева масса работ разных лет. Он по-прежнему верен теме античности. Амазонки в шлемах и наплечниках римских легионеров, Артемиды с луком и охотничьими псами украшают каминные часы, прекрасный женский торс.

Но назревает потихоньку и новая тема. Условно Алаев называет ее «Россия XX века в лицах». Уже готовы фигуры веселого, разбитного волжского купца, извозчика под хмельком, задумчивого профессора, а рядом с ними какой-то несерьезный Владимир Ильич со взглядом хитрым, суровым и беспощадным... Все работы существуют в единственном экземпляре, исполнены из гипса и пластилина. Средств отлить их в бронзе у Алаева нет. Регулярный доход в семье получает только жена, а Всеволод живет случайными заработками. Если бы не тутаевские колокольные литейщики, в гипсе оставался бы и Ушаков.

На счастье, в прошлом, 2004 году, когда отмечалось 260-летие флотоводца, один из местных священников увидел эту замечательную работу у Всеволода в мастерской и отвел его к Николаю Шувалову на завод: надо, мол, земляку и святому памятник на родине

поставить. Николай Александрович с душой к просьбе отнесся. Теперь дело за оформлением постаментов.

– Деньги нужны небольшие, всего тридцать – сорок тысяч. Но в администрации говорят, и такие суммы для местного бюджета проблема, – сетует скульптор. – Жаль, если из-за малости памятник не установят.

Всеволод Романович считает, что левобережному Тутаеву самой судьбой уготована участь стать городом-музеем, жемчужиной Золотого кольца России. Ведь с XIX века ничего здесь не изменилось. Была бы пристань, как в Мышкине, народ бы валом валил смотреть здешние красоты и древности.

Галерея знатных земляков, по мнению Алаева, тогда станет важной частью города-музея. Место сейчас для нее определено достойное: в центре, рядом с набережной, в парке у стелы погибшим землякам.

Андрей СОЛЕНИКОВ.